

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 398.1
ГРНТИ 17.71.07

ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ КАЗАХСКОГО И МОНГОЛЬСКОГО ЭПОСОВ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СКАЗУЕМЫХ

Жакупов Ж.А.

*Доктор филологических наук,
профессор кафедры казахского языкознания,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
010000, Нур-Султан, улица Кажымукана Мунайпасова 5*

Абдикарим Н.

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры казахского, русского и иностранных языков,
Карагандинский государственный индустриальный университет
101400, Темиртау, проспект Республики 30*

LINGUO-FOLKLORISTIC COMPARISON OF THE KAZAKH AND MONGOLIAN EPOSES: FUNCTIONING OF PREDICATES

Zhakupov Zh.A.

*Doctor of Philology,
Professor of the Department of Kazakh Linguistics
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Kazhymukan Munaitpasov street 5, Nur-Sultan, 010000*

Abdikarim N.

*Candidate of Philology,
Ass. Prof. of the Department of Kazakh, Russian and Foreign Languages,
Karaganda State Industrial University,
Republic avenue 30, Temirtau, 101400*

DOI: 10.31618/asj.2707-9864.2020.1.41.27

Аннотация. В статье рассматриваются функционирование сказуемых в героических эпосах казахского и монгольского народов в линвофольклористическом плане, сопоставляются их качественные и общие характеристики. Анализируя выражение глагольных сказуемых в эпосе репрезентируется их текстообразующая функция. Хотя казахская и монгольская эпосы не сильно отличаются друг от друга в плане предикативности, установлено, что существуют стилистические, прагматические и экстралингвистические различия. На основе таких исследований не только осознается интертекстуальная связь языка фольклора на евразийском пространстве, но и акцентируется внимание на ряде вопросов, лежащих в основе современных междисциплинарных исследований.

Annotation. The article examines the functioning of the predicates in the heroic epics of the Kazakh and Mongolian peoples in the linvofolkloristic plan, their general and qualitative characteristics are compared. Analyzing the expression of verbal predicates in the epic, their text-forming function is presented. Although the Kazakh and Mongolian epics do not differ much from each other in terms of predicativity, it has been established that there are stylistic, pragmatic and extralinguistic differences. On the basis of such studies, not only the intertextual connection of the language of folklore in the Eurasian space is realized, but also the attention is focused on a number of issues underlying modern interdisciplinary research.

Ключевые слова: героический эпос казахского и монгольских народов, предикативность, формы причастия и деепричастия, субъект, предикат, эпическое время, текстообразующий способ.

Key words: heroic epic of the Kazakh and Mongolian peoples, predicativeness, forms of participle and gerunds, subject, predicate, epic tense, text-forming method.

Введение. Фольклорное наследие любого народа – это шедевр, вызванный его историей и культурой, мировоззрением и бытием, образом жизни и идеалами. Свойство фольклорных произведений, впитывающее в себя самобытность, составляет ряд их элементов традиционной преемственности, углубление которого требует от исследователей определения природы традиционных типов и повторяющихся элементов

произведения, позволяющего грамматического изучения фольклорного языка. Сопоставление языка фольклора эпосов казахских и монгольских этносов предполагает сравнение вариантов текста, разновидностей текстов внутри жанра, самих жанров с целью раскрытия синтаксических единиц и их функционирование в самом тексте. Язык эпоса может рассматриваться и в трех аспектах предложения, но, чтобы проводить синтаксические

исследования в области компаративистики требуется в первую очередь описание его основных единиц и учета важнейших функций, сопоставления уровней словосочетания, предложения. Согласно мнению Л. Теньера, предложившего изучение отдельных фактов синтаксиса в структурном и функционально-ономасиологическом направлении, прежде всего, внутри самого языка и в постепенном увеличении количества языков, охватываемых в дальнейшем исследовании, имеет важное значение для синтаксиса алтайских языков, нуждающихся во всестороннем анализе. Поэтому, чтобы выявить синтаксическую ценность предложения эпоса, достаточно определить взаимосвязь между его составными частями. С этой позиции позволяем приступить к изучению синтаксических материалов героических эпосов казахского и монгольского народов.

Основная часть. В сравнительно-сопоставительном исследовании эпоса тюрко-монгольских народов следует отметить труды российских ученых во главе Г.М. Васильевича, А.А. Бурькина, Ю.П. Борисова и др. А.А. Бурькин отметил, что «Тюрко-монгольские или монголо-тюркские связи в области образцов эпического жанра и георических богатырских сказок – это тема, лежащая на поверхности, требующая внимания, актуальная и всегда обещающая позитивные результаты в области сравнения традиций, текстов, поэтики, эпического стихосложения и т.п.» [1, с. 72]. Ю.П.Борисов рассматривая якутский эпос «Могучий Эр Соготох», «Дырай Бэргэн» и алтайский эпос «Маадай-Кара», хакасский алыптых-ныхмах «Ай-Хуучин», бурятский «Аламж Мэргэн», поясняет, что «...произошли взаимопроникновения ритмико-синтаксического параллелизма (далее – РСР) из одного языка в другой, которые сохранились в синтаксических структурах рассматриваемых эпосов» [2, с. 20] и приходит к выводу, что эпические формулы образуются на основе «общеэпических параллелизмов». А эпическая формула зависит от факторов ритма, синтаксической схемы, лексического детерминанта. Наряду с этим «...героический эпос Центральной Азии и Южной Сибири, очень рано получивший художественное оформление и внутреннюю завершенность, оказывается в противоположность историческим жанрам чрезвычайно устойчивым по своему тематическому диапазону и организующим принципам» [3, с. 70]. Исследователь калмыцкого эпоса «Джангар» Н.Б. Пюрбеева отмечает: «Понятие «структуры» не означает отмены понятий содержания и формы, а подразумевает уточнение, конкретизацию и расшифровку этих понятий, применительно к эпосу» [4]. В этом плане синтаксическая система языка открывает большие перспективы исследованиям типологического характера. Эти отношения могут быть охарактеризованы

определенными грамматическими понятиями. И так, в эпическом жанре вышеупомянутых народов в качестве сказуемого неполных предложений, для создания иллюстраций и портрета, выступает прошедшая форма причастия. Например¹,

Казахский

Сол уақыт- алды-нан / Қара қасқа ат-ө мін-ген / Құйрық жал-ы-н шарт түй-ген / ... / Алды-нан шық-ты ер Қазан

DEM время ADV-ELA / Черный плешивый лошадь-ACC верховая езда-**PSP_PS** / /Xвост уздечка-POSS_3SG-ACC гривой завязи- **PSP_PS** /... /ADV-ABL выйти- PST_INDEF герой Казан-NOM.

‘В это время спереди / На черном коне белолобом / С завязанной гривой / ... / На встречу вышел молодец Казан’ [1: КБ, с. 38, строки 69 – 101]².

На примере 22 из 33 строк содержат причастия прошедшего времени, образованными с помощью суффиксов *-ган*, дальше оканчиваются словами (*азан, сазан, Қазан*), обеспечивающими аллитерацию. В монгольском былинном стихосложении так же встречаются два и более предложений, связанных интонационно с главными членами предложения – подлежащим или сказуемым. Подобные конструкции используются особенно при описании или прославлении героя эпоса, его скакуна или снаряжений:

Монгольский

Айхан тохой-ө нутаг-тай (1а) / Алаг уул түшлэг-тэй (2а) //...нутаг-тай (3а) // түшлэг-тэй (4а) // нутаг-тай (5а) // түшлэг-тэй (6а) аавө (7а) // ээж-тэй (8а) / Газар-тай гаца-ли-(а)н төр-сөн (9б) / Төр-сөөр (10в) / Төр шажн-ө-аа алда-лгүй (11-19г) Ээм-тэн-д дийлд-лгүй (20г) Эр-ийн эрдэм-ө төгс-сөн (21-32б) Эр-ийн сайн Ханхарангуй гэ-ж яв(а)-в л буюу гэ-нэ (33).

DIM локоть-SIM место-ATTR_MUN (1а) / Пестрый гора опора-COM (2а) //... место-ATTR_MUN (3а) // опора- ATTR_MUN (4а) // место- ATTR_MUN (5а) // опора- ATTR_MUN (6а) отец-ө; ATTR_MUN (7а) // мать- ATTR_MUN (8а) / Земля-ATTR_MUN боевать-RESP-ADV ACC төр-PCP_PS (9б) / родить-ADV (10в) / Власть религия-ө;ACC-POSS_3SG терять-ADV NEG (11-19г) Женщина-NUM_COLL-DAT поражаться-ADV NEG (20г) Мужчина-GEN ремесло-ө;ACC окончить-PSP_PS (21-32б) **Мужчина-GEN хороший Ханхарангуй-NOM говори-ADV ACC3 иди-PST_INDEF1 PART CNJ говори-PST_DEF (33).** [5, XX: 21].

‘На удивительной земле / С высочайшими горами // местностями // равнинами // местностями // горами // отцом // матерью / При рождении, воюя с землей / Как родился / Не поддаваясь вольному / Не порожаясь от женщин / Научившись мужскому ремеслу / Лучший из молодых / Жил да был Ханхарангуй’ [3: XX, с. 21].

На приведенном примере МГЭ из 33 строки, за исключением последнего основного предложения,

¹ См. приложение А, В

² См. приложение А, В

содержащие 20 членов-предложения по интонации и структуре связаны сочиненном виде (в казахской грамматике конструкций данного типа рассматривается как придаточная часть сложноподчиненного предложения – Авторы); в отрывке, ознакамливающим с Ханхарангуй батыром, в строках 1-8а – формы сказуемых выражены отыменным глаголом; в строках 9б; 21-32б – определительными причастными конструкциями (монг. *тогтсон* ‘тоқтаган’, *төрсөн* ‘тузан’ и др.); 11-20г строки содержат аффиксы –*лгүй* (каз. –*сыз*, –*сіз*/ *жөк*), связанные со сказуемым «*явав л буюу гэнэ*» по способу соподчинения, и выполняют функцию обстоятельства образа действия; только один строк (10в) оформлено деепричастной формой, оно является единственной подчинительной связью по всей тираде. Следовательно, способы описания героев аналогичны, разница лишь в преобладающем количестве строк, имеющих характер простых предложений, монгольской былинной песни; то есть, если в казахских былинных песнях иллюстрируемая картина меняется часто от одной ко второй, то в монгольских – описывается достаточно долго.

Морфологический состав сказуемых в эпосах ограничен, преобладают глаголы, а именные или другие формы редко выступают в роли сказуемых, более часто употреблены только в описательных конструкциях. Например:

Казахский

Бұлаңда-ған Бурыл-дың / Маңдай-ы-нда манат-ө бар/ Құйры(ғ)-ы-нда құдық-ө бар / Марал іш-се, таусыл-са.

Раскачаться-PSP_PS Бурыл-GEN / Лоб-POSS_3SG;его-LOC бархат-;ө есть/ Хвость-POSS_3SG;его-LOC колодец-ө;есть / Марал пей-COND, закончи-PASS-FUT_INDF_NEG

‘У раскачивающегося Бурыла / Есть бархат на лбу / Есть колодец на хвосту / С неиссякаемой водой’ [2: ОМБХ, с. 62]

Обратимся к еще одному изображению картины в казахском эпосе:

Казахский

Өз-і алты жас-ы-нда / Кәмишат-ө бөрк-і бас-ы-нда / Тобылғы-ө торы ат-ө асты-нда / Қаршыға-сы қол-ы-нда / Тазы-сы-ө ерт-кен соң-ы-нда...

Сам-POSS_3SG шесть лет-POSS_3SG-LOC / Бобр-ө;GEN борик-POSS_3SG голова- POSS_3SG-LOC / Спирея-ө;SIM_ADJ коричневый лошадь'его под- POSS_3SG-LOC / Ястреб'его рука-POSS_3SG-LOC / Тазы- POSS_3SG-ACC веди-PSP_PS после-POSS_3SG-ABL.

‘Самому всего 6 лет / На голове борик из бобра / Под собой конь масти тёмно-гнедой / Птица ястреб на руках / И тазы ведет за собой’ [2: ОМБХ, 70]

Выше приведенных примерах из КГЭ формы сказуемых, если это повествовательные произведения, можно передать на монгольский язык при помощи падежа өгөх-орших (датель-локатив), что показывает функциональную идентичность некоторых падежных форм; но

поэтический жанр этого не позволяет: монгольских эпосах в таких случаях употребляются суффиксы – *тай* прилагательных, либо глагольные формы причастия на *-сан*. при описании портрета героев в эпосе в неполных предложениях.

Кроме того в МГЭ преобладают неполные предложения, компоненты, которых располагаясь в разных строках, выражаются различными падежными формами, имея функцию образа действия.

Монгольский

Үүл-тэй тэнгэр-ийн доогуур / ... / Хангинатал дуул-аад/ ... / Жил-ийн газрыг сар-аар / ... / Өдр-ийн газр-ыг / Өвсн-ий сүүдр-ээр / Товчло-н яв-жэ гэнэ.

Облако-ATTR_MUN небо-GEN под:ADV;INST / ... / Громко:IMIT-ADV_SUCC пой-ADV ACC2 / ... / Год-GEN земля-ACC месяц-INST / ... / День-GEN земля-ACC/ Трава-GEN тень-INST / Сократи-ADV ACC1 иди-ADV ACC3 говори-PST_DEF.

‘Под облачным небом / ... / Поля, колокольчику подобно / ... / Расстояние, протяженностью в год, за месяцы / ... / Расстояние, в один день / В тени трав / Пришел, сокращая путь, говорят’ [3.; XX стр. 100].

Служебные имена в предыдущих двух строках и существительные, выраженные падежом үйлдэх тийн ялгал (инструментальный падеж), располагаясь в пределах предложения, выражают образ действия, подчеркнутых глаголов. Таким образом, в роли сказуемого могут выступать не только глаголы, но и существительные, и другие части речи. Однако в таких случаях казахское и монгольское стихосложение применяют различные способы смещения имен в конец предложения. Выше приведенных модальных слов казахского языка (*бар*) на монгольский язык можно перевести как *байна* ‘есть’, если отрицается – *үгүй* ‘нет’, но такой перевод не обеспечивает стилистической нормы языка монгольского эпоса; именно поэтому сказуемые монгольского языка передаются посредством суффиксов имен прилагательных – *тай*, *-тэй* (каз. –*лы*, –*лі* ...). Его можно увидеть и в следующем:

Монгольский

Алтай дүүрэн / Арван түмэн / Алаг бараан адуу-тай (A1) / ... / Айл зуураа уна-даг (Г1) / Хүлэг болонхой - нь (Б) / Шүр сайхан дэл-тэй (Д1) / ... / Есөн төө чих-тэй (Д15) / Наян хүлг-ийн шинж бүрдсэн (B1) Нарий-хан чун хүрэн морь-той (A4) / ... / Түмэн дүнчүүр албат-тай (A12) / ... / Өглөө үдш-ийн зоо-г бол-гон яв-даг (A13) / ... / Эр асан ч буюу гэнэ.

Алтай полен / десятки тысяч / Пестрый темный лошадь-ATTR_MUN; есть (A1) / ... / Аул между_INS верховая езда-USIT (Г1) / Скакун быть-POSS_3SG (Б) / Коралл_SIM-N хороший грива-ATTR_MUN;есть (Д1) / ... / Девять дюйм уши-ATTR_MUN;есть (Д15) / Восемьдесят скакун-GEN краса собрать-PCP_PS (B1) Тонкий-DIM пурпурно-красный лошадь-ATTR_MUN; есть (A4) / ... / Десятики тысяч народ-ATTR_MUN;есть (A12) / ... / Утро-вечер-GEN зоог-ө;ACC быть-PCP_PS

иди-USIT (A13) / ... / Герой быть;PASS-PST_DEF PART CNJ говори-PST_DEF.

‘Алтай полон / Десятками тысяч / Пестрых лошадей / ... / Ездил между аулами / Был скакун у него / С красивой гривой / У него ушей с размером девять дюйм / С красотой восьмидесяти скакунов / Есть у него тонкий сивый конь гнедой / ... / Многомиллионный народ / ... / Добывающий завтрак и ужин / Говорят вот таким был молодец’ [3: XX, 23].

В приведенном примере, отрывок поэмы содержит несколько определительных предложения A1, A2... A13, связанных между собой прямо или косвенно и использующихся для описания главного субъекта в последнем предложении «Эр (S) асан ч (байсан) (P) буюу гэнэ». Как видно из полученных данных, в монгольском языке сказуемые, образованные с помощью суффиксов прилагательных, употребляются чаще и дольше, чем в казахском; для описания казахских былинных песен часто применяются причастия прошедшего времени и различные падежные формы.

Структура поэтической фразы в эпосах казахского и монгольского народов очень динамична, этим и объясняется многочисленность употребления глагольных сказуемых, использующихся для изображения действий главного эпического героя. Как правило, все сказуемые связаны с одним и тем же подлежащим. Например (показан основной отрывок из казахского эпоса, где последовательность каждой строки обозначена цифрами):

0. Таң атқасын төрт көкжал /1. Қару-жарақ-ө ки-ін-**in** / 2. Бір құдай-ға сый-ын-**ын** / 3. Енді аты-на мін-**e-di** / 4. Дене-ге сауыт-ө ки-**e-di** / ... / 12. Ақсұңқар құс-тай шүйіл-**in** / ... / 21. Батыр Қоблан ақыр-**ды** /... / 34-58. Белес белес бел **e-di**...

0. На рассвете четверо молодцы /1. Оружие-**ө**;ACC одень-REFL-ADV_V_ACC2 / 2. Один бог-DIR молись-**ADV_V_ACC2** / 3. ADV лошадь-POSS_3SG-DIR сиди_верхом-**PST_DEF** / ... / 12. Кречет птица-SIM пикировать-**ADV_V_ACC2** / ... / 21. Богатырь Коблан крик-**PST_INDF** /... / 34-58 / Зиг заг;N_N холм быть-**PST_INDF**.

‘На рассвете четверо молодцы /Снарядившись полностью /Помолившись единственному богу / Уселись верхом / ... / Надел на тело кольчугу / ... / Спикировав подобно кречету / ... / Богатырь Коблан взревел / ... / Было не завершивая холма’ [1: КБ, с. 129 – 131].

Монг.

Э-рийн сайн (3)

Хан ха-ран-гуй хүү (5)

Ар-ван най-ман алд (5)

Ал-тан цол-быг (4)

Ан-гал-зах-ын цагт (5)

А-ман хү-зүү-гээр (5)

Ал-дал-гүй хая-хад (5)

Ог-тор-гуйн од тоо-лон зүт-гэ-жээ (9)

.....

Зан-дан у-лаан хэ-лээ-рээ өл-гөн нэ-гэн үм-хэв (13) [3:

XX, 158]

Приведем пример из предложений, перечисляющих славу и мужество монгольского батыра Улаанхонгора (аналогично казахскому эпосу):

1. Түймэрд-сэн яс-ы –нь хайра(х)-гд-аад / Хайра(х)-гд-сан яс-ө-аа / 2. Хав(а)р-ын хонгор салхин-д хийсг(э)-ээд / 3-6 / 7. Үхэр шини-ээд ир-(э)-хэд / 8. Яс үгүй хийг-ээд / 9-11 / 12. Хоног-ийн дотор хоосон / 13. Хийг-ээд ха(й)я-в гэ-нэ.

1. Обжечь-PCP_PS кость-ACC POSS_3SG жарить-PASS-ADV_V_ACC2 / Жарить-PASS-PCP_PS кость-ө;ACC-POSS_SG / 2. Весна-GEN теплый ветер-LOC вея-DVV_ACC2 / 3-6 / 7. Корова нюхай-ADV_V_ACC2 идти INF-LOC / 8. Кость нет делать-ADV_V_ACC2 / 9-11 / 12. Сутка-GEN течение POST пустой / 13. Делать-ADV_V_ACC2 оставь-PST_INDF1 говори-PST_DEF.

‘Обжигаясь сгоревшая кость / Обоженную кость / Развевало весенним ветром / ... / Когда корова пришла обнюхивать / Оставляя без костей / Когда лиса пришла обнюхивать / Оставляя без костей / ... / В течение одного дня / Говорят, оставили без ничего’ [3: XX, с. 147]

Из данного примера следует, что форм глагольных сказуемых подчиняется определенной закономерности и служит для передачи динамики и характера взаимосвязанных действий, отраженных в песне: в казахских эпосах действия событий начинаются формами деепричастного детерминанта образа и способа действия на –*ын* (-*in*, -*n*) и продолжают сказуемыми прошедшего переходного времени на *ады* (-*edi*), напряженность песни передается формами прошедшего времени – *ды* (-*di*) (иногда деепричастиями). Наряду с этим, в казахских песнях количество слогов в каждой строке обычно составляет 7-8 слогов, в монгольских – достигает 3-13; при этом, если в казахском языке ударение падает на последний слог, то в монгольском – на начальный слог, а также наличие у последнего долгих звуков не может не оказать влияния на фонологическую систему просодии. Это способствует последовательной связи предложений и упорядочению их объема (количества), а цепочка (предложений) продолжит развиваться до тех пор, пока не станет в той форме времени (PST_INDF, PST_DEF), обозначающей завершенность действия. Например (в скобках указаны количество слогов и сравнено с вышеприведенным КГЭ «Кобыланды батыр»):

Рус.

‘Лучший из молодцов

Дитя Ханхарангуй

Длиною в двенадцать кулашей (размах рук)

Золотой чембур

В момент, когда разинул рот

Прямо на гривную шею

Не ошибаясь, кинув

Устремился звезды мира считать

Красным языком зацепив раз откусил’

Еще одно обстоятельство, присущее героическим эпосам – стремление к соизмеримости и симметричности форм подлежащего и сказуемого, классический способ связи стихотворной песни предполагает относительную самостоятельность каждого предложения, основывающейся на самостоятельном сочетании подлежащего и сказуемого на протяжении всей художественной целостности. Однако, если в казахских эпосах симметрия образуется различными формами, выражающими некую завершенность мысли, то в монгольском языке, как видно из примеров, под влиянием деепричастной формы *-аад* строки могут продолжаться до завершения эпизода. То есть, казахское стихосложение имеет относительную свободу, позволяющую прерываться и переходить из одной формы сказуемого в другую. Следует отметить один теоретический момент что «... в песнях условности ритма, инверсии и созвучия отошли на второй план, а однородные сказуемые, составляющие цепь синонимичных предложений, перешли в устойчивую модельную форму, «податливую» к дальнейшему присоединению аналогичных предложений [5, с. 23]. Преобладание глагольных сказуемых в былинных песнях связано со спецификой жанра, особой динамичностью: содержание стихотворения посвящено герою, не знающему спокойствия. Это естественное явление,

Құланның **атты** қодықты,
 Көлден **тартты** борықты,
 Жетемін деп **торықты**,
 Намаздыгер өткенде,
 Намаз ақшам жеткенде,
 Қазанның Сырлы қаласын
 Қобыланды батыр **көреді**.
 Бес ағаштың түбінде
 Қазанның алған жылқыға
 Ағыны қатты Бурылмен
 Аңқытып келіп **жолықты**.

[2, Т. 38: КБ, с. 64]

В одиннадцати строках, связанных только с одним скрытым субъектом, использованы 5 простых глагольных сказуемых, описывающих

Саглагар сайхан зандан модны
 Сүүдэрт **зогсоод**
 Сайхан мөнгөн хазаарыг
 Гурван үе **жингэнүүлээд**
 Гурван үе **хангинуулаад**
Сажаад (сэгсрээд) авахуйд
 Эргэл түргэл хазаараа сэгсрэх чимээг
 Хангайн чинээ биетэй
 Хар ташаа
 Хангал хар хээр морь
 Алдалгүй мэдээд... [3: XX, с. 163]

В монгольской былинной песне, вплетенной в двенадцать строк тоже есть пять сказуемых, четыре из которых, несмотря на то, что выражают действия скрытого субъекта, употреблены в неустойчивой

ибо глагол представляет собой движение, действие. Наряду с этим, проявляется одна синтаксическая функция глагола, указываемая А. М. Пешковским: «... это способность управлять, выстраивать вокруг себя длинную шеренгу разнообразных и последовательно зависящих друг от друга слов, и предложений, словом, создавать то, что Потебня называл синтаксической перспективой» [6, с. 111]. Именно благодаря этому, глагольные сказуемые находятся в центре эпического повествования как одно из основных средств изображения. В героическом эпосе формы глаголов, образующие сказуемые, не только называют действия, но и иллюстрируют и описывают их. Исполнители эпических песен стремятся изобразить каждое действие, характеризующее героя (батыра), показательно, весомо. Хороший способ добиться такого этого эффекта в русской эпической поэзии, по словам З.К. Тарланова, это – применение глагольного действия, усиление семантики процесса, исключение действия из четко ограниченных пределов и показать внутреннюю историю. Для этого очень точно подходит несовершенный вид глагола [7, с. 61]. А в казахских эпосах такой эффект достигается при помощи прошедшего переходного времени глагола.

Из структурных типов глагольных сказуемых, в эпосах сопоставляемых народов преобладают простые глагольные сказуемые. Например,

‘Из куланов **выстрелил** жеребенка,
 Из озера **вытянул** корневище тростника,
Отчаялся, добратся желая,
 Когда солнце к закату склонилось,
 И подошло вечерней молитвы, время
 Город Сырлы Казана
 Кобланды богатырь **увидел**.
 Под пятью деревьями
 С конем взятым Казаном
 На Бурыле скакав
 Стремительным ходом (с ветерком)
Встретился

действия героя в данном отрывке. Приведем примеры из МГЭ:

‘Свисающего сандалового дерева
 в тени **стоя**
 Красивой серебряной уздой
 Три раза **звеня**
 Три раза **шелестя** как **встряхнул**
 Узды Эргэл Тургэля звенящий звук
 Словно гора крупный
 Черный порочный
 Черный норовистый конь
 Сразу **опознав...**’

форме, так же и отношение коня к приезду батыра (опознал) с точки зрения содержательности и результативности данного отрезка, представляющего законченную, цельную мысль,

так же выражено неустойчивой формой, требующей после себя продолжения действия. Кроме того, в казахском эпосе в двух предыдущих строках наблюдается инверсия сказуемого, в монгольской – такого явления нет. Во всех этих ситуациях есть одно общее явление – в эпосах двух народов компоненты сказуемого встречаются как в одной строке, так и в двух, если имеются повторяющиеся части – в трех строках. С учетом синтаксической числовой и содержательной-объемной части данной проблемы можно заметить формулу композиционного текстообразующего блока казахского и монгольского эпосов.

Заключение. И казахские, и монгольские героические народные поэмы построены астрофическими стихосложениями. Непрерывность и компактность астрофики в казахских поэмах отличается тем, что в них явно выражается завершение одной мысли и переход к следующей, а в монгольских это представлено различными деепричастными формами, тем самым обеспечивается незавершенность мысли и дальнейшее её прогрессирование, поскольку возникает зависимость субъекта от сказуемого в значении времени, цели и т. д. Если в казахских эпосах главные члены предложения взаимозависимые, т.е. представляется завершенность описания одной мысли короче, чем в монгольской тираде, то в монгольском, благодаря хорошо развитой системе деепричастия, действия героев воспеваются или описываются достаточно долго, и могут быть продолжены до тех пор, пока не достигнут «завершенной формы».

Сказуемому в казахском эпосе характерна высокая степень использования форм прошедшего переходного времени, выражающих долготу действий, а в монгольском – преобладает применение деепричастных форм, выражающих незавершенность, продолжительность действий. В монгольских эпосах причастные и деепричастные формы прошедшего времени неполных предложений, связанные способом соподчинения, при описании завершенности действия, образуют форму только прошедшего времени, т.е. не отходит от понимания эпического времени.

В казахских и монгольских былинных песнях встречается как глагольная, так и составная форма сложного сказуемого, но их количество все же меньше, чем простое сказуемое. Причина также кроется в жанрово-лингвистических особенностях героической былинной песни, также в темпоральности героических былинных песен, где отражен быстрый характер действий.

В результате поморфемного глоссирования наблюдается, что в морфологическом плане с

исключением корня слов и фразеологизмов можно установить идентично формальное соответствие всего текста; но ясно, что в стилистическом плане это невозможно, хотя в будущем можно выявлять стилистическую или прагматическую картину реализации эпического текста данных языков.

Литература

1. Бурькин А.А. О некоторых формулах, встречающихся в образцах фольклора тунгусских, тюркских и монгольских народов // Вестник СВФУ. 2019. № 1. С. 70-80. [Burykin A.A. O nekotoryh formulah, vstrechajushhihsja v obrazcah fol'klora tungusskih, tjurkskih i mongol'skih narodov // Vestnik SVFU. 2019. № 1. S. 70-80. (In Russ).]
2. Борисов Ю.П. Ритмико-синтаксический параллелизм в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах: сравнительный аспект. Автореф. ... канд. филол. наук. 2016. [Borisov Ju.P. Ritmiko-sintaksicheskij parallelizm v jakutskom olonho i tjurko-mongol'skih jeposah: sravnitel'nyj aspekt. Avtoref. ... kand.filol.nauk. 2016. (In Russ).] URL: <https://www.dissercat.com/content/ritmiko-sintaksicheskii-parallelizm-v-yakutskom-olonkho-i-tjurko-mongolskikh-eposakh-sravnit>
3. Неклюдов С.Ю. Закономерности стадияльной эволюции эпоса Центральной Азии и Южной Сибири // Mongolica. Памяти академика Б.Я. Владимирцова. 1986. С. 66 – 78. [Nekljudov S.Ju. Zakonomernosti stadial'noj jevoljucii jeposa Central'noj Azii i Juzhnoj Sibiri // Mongolica. Pamjati akademika B.Ja. Vladimircova. 1986. S. 66 – 78. (In Russ).]
4. Пюрбеева Н.Б. Поэтика героического эпоса «Джангар». Автореф. ... докт. филол. наук. 2003. [Pjurbeeva N.B. Pojetika geroicheskogo jeposa «Dzhangar». Avtoref. ... dokt. filol. nauk. 2003. (In Russ).] URL: <http://cheloveknauka.com/poetika-geroicheskogo-eposa-dzhangar>
5. Өмірәлиев Қ. Көне түркі әдеби ескерткіштері туралы зерттеулер. – Алматы: Арыс; 2010. [Ömiráliev Q. Kóne túrki ádebi eskertkishteri túraly zertteýler. Almaty: Arys; 2010. (In Kazakh).]
6. Пешковский А.М. Глагольность как выразительное средство // Пешковский А. М. Избранные труды / подгот. к печ., вступ. ст. и коммент. И. А. Василенко и И. Р. Палей. М.: Учпедгиз, 1959. [Peshkovskij A.M. Glagol'nost' kak vyrazitel'noe sredstvo // Peshkovskij A. M. Izbrannye trudy / podgot. k pech., vstup. st. i komment. I. A. Vasilenko i I. R. Palej. — M.: Uchpedgiz, 1959. (In Russ).]
7. Тарланов З.К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск: ПетрГУ; 1981. [Tarlanov Z.K. Sravnitel'nyj sintaksis zhanrov russkogo fol'klora. Uchebnoe posobie po spekursu. – Petrozavodsk: PetrGU; 1981. (In Russ).]

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Примечание. Для наблюдения над функционированием морфологических единиц в составе предложения казахского и монгольских эпосов сделано глоссирование поморфемного соответствия согласно правилу №2 Лейпцигской системы. Из-за неразработанности унифицированной системы глоссирования, казахскими или монгольскими лингвистами для обозначения условных сокращений структурных элементов исследования была использована Лейпцигская система правил глоссирования и базирующаяся на ней система якутского языка, предложенная Г.Г. Торотаевым, а также тегирование морфологического анализатора татарского языков:

<https://ru.wikipedia.org/wiki>

https://www.researchgate.net/publication/331168853_Linguistic_Annotation_of_Grammatical_Categories_of_Sakha_Nouns

http://tatmorphan.pythonanywhere.com/morphan_tags

Источники для анализа и порядок их использования. В каждом приведенном примере упоминаются нижеперечисленные источники по порядковому номеру и названию эпосов в виде аббревиатуры, дается ссылка на страницу иногда на конкретные строки. Чтобы примеры не занимали много места в статье в скобках были показаны только номера строк или пропущены некоторые РСР.

Материалом исследования служили следующие источники:

1. Батырлар жыры. /Сост. Дуйсенбайулы Е. Алматы, 2009.
2. Бабалар сөзі: 100 томник казахского фольклора. Алматы, 2014.
3. Эрийн сайн Хан харангуй. /Сост. Баясгалан Т. Уланбатор, 2016.
4. Баяд ардын тууль. /Сост. Катуу Б. Уланбатор, 2012.
5. Батырлар жыры, 5 том. / Ред. Дуйсенбайулы Е. Алматы, 2007.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Сокращения

Глоссы

1SG, 2SG – личное окончание I лица, личное окончание II лица

PL – множественное число

ABL – аблатив (исходный падеж)

ADV – наречие

ADJ – имя прилагательное

ACC – аккузатив

ADVV_ACC – деепричастие (каз. на 1. -а, 2. -ып, монг. 1. -н, 2. -аад, 3. -ж)

ADVV_SUCC – деепричастие (монг. -тал)

ATTR_MUN – атрибутив-мунитатив (каз. на -лы; монг. -тай)

CAUS – каузатив

CNJ – союз

COM – совместный падеж

COND – условное наклонение

DAT – дательный падеж

DEM – указательное местоимение

DIM – уменьшительная форма

DIR – направительный падеж

FUT_INDF_NEG – отрицательная форма неопределенного будущего времени

HOR_SG – императив-гортатив

I лица в единственном числе

GEN – родительный падеж

IMIT – звукоподражательные слова

INTRJ – междометие

INST – орудийный падеж

LOC – местный падеж

NOM – именительный падеж

NUM_COLL – collective numeral собирательное числительное

PART – частица

PASS – страдательный залог

PCP_PS – причастие прошедшего времени (каз. на -ған, монг. -сан)

PST_DEF – прошедшее время (каз. на -ады, монг. -нэ)

PST_INDF – результативное прошедшее время (каз. на -ды; монг. 1. -в, 2. -лаа, 3. -жээ)

POSS_SG – безличное притяжение в монг. языке

POSS_2SG – принадлежность 2 лицу единственного числа

POSS_3SG – принадлежность 2 лицу единственного числа

POSS_3PL – принадлежность 2 лицу множественного числа

POST – послелог

REFL – возвратный залог

RESP – взаимно-совместный залог

SIM – форма, выражающая значение уподобления

USIT – форма, выражающая значение регулярно совершаемого действия, которое характеризует субъекта (монг. -даг)

Общие

БС – «Бабалар сөзі».

КБ – «Кобыланды батыр»

КГЭ – казахский героический эпос

КК – «Карасай Казы»

РСР – ритмико-синтаксические параллели

ХХ – «Хан Харангуй»

ЭТ – «Эргил Тургэл»

всп.гл. – вспомогательный глагол

МГЭ – монгольский героический эпос
ОМБХ – «Орак билэн Мамай батыр хикаясы»

каз. – казахский
МОНГ. – монгольский
наст. вр. – настоящее время

КОНСТАНТНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭРГАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ

Тариева Лилия Увайсовна
Ингушский госуниверситет (ИнГУ),
доктор филологических наук
профессор, доцент кафедры русского языка

TarievaLiliyaUvaysovna
Ingush State University ,
senior lecturer of the Russian language
тел.: 8 9380104416
DOI: 10.31618/asj.2707-9864.2020.1.41.25

Аннотация. В статье обозначаются принципиальные положения функционирования эргативных языков, которые в корне отличают их от языков номинативной стратегии. Одним из таких доминантных признаков является парадигма лица, выявленная на материале нахского ингушского языка в ряде работ последних лет автора статьи. Лица парадигмы коррелируют с грамматическими знаками – тремя личными местоимениями первого лица единственного числа. Эгоцентрические составляющие парадигмы как глубинная семантическая категория соотносятся с антропоцентрическими знаками, исследованными в ряде работ автора статьи в качестве глубинной понятийной категории.

Annotation. The article denotes the basic principles of the functioning of the ergative languages which fundamentally distinguish them from the languages of the nominative strategy. One of these dominant features is the paradigm of the face, revealed on the material of the Nakh Ingush language in a number of works of the author of the article in recent years. Faces of the paradigm correlates with three personal pronouns of the first person singular. Egocentric components of the paradigm as a deep components correlate with anthropocentric signs, studied in a number of works of the author of the article as a deep conceptual category.

Ключевые слова: речевые лица, аффективные лица, эргатив, номинатив, аффектив, эгоцентрический, антропоцентрический.

Key words: vocal persons, affective persons, ergative, nominative, affective, egocentric, anthropocentric.

Исследователи эргативных языков и типологии предложения (А.М. Дирр, А.С. Чикобава, Г.А. Климов, А.Е. Кибрик, М.Е. Алексеев, Я.Г. Тестелец и др.), работавшие в рамках структурной (или генеративной) лингвистики, одним из основных критериев отграничения эргативных языков от номинативных считали богатство их именной морфологии.

Богатство именной морфологии языков эргативной стратегии с грамматической точки зрения отражается в падежной системе, например, нахского ингушского языка тремя ядерными падежами имени (номинативный *со* 'я'; эргативный *аз* 'я'; аффективный *сона* 'я'). На синтаксическом уровне три «номинативных» падежа эргативного языка реализуются в неоднозначной субъектно-объектной распределенности лиц в составе предложения, выдвигаемого в качестве базового. Понятие базового предложения в языках номинативного строя в корне отлично от понятия ядерного предложения эргативных языков.

А.Е. Кибрик, долгое время исследовавший эргативные языки, в качестве дифференциальных указывал на константные признаки языков различных стратегий [4]. Г.А. Климов называл стабильные признаки грамматически неродственных языков доминантными [5]. М.Е. Алексеев, исследовавший аффективную конструкцию предложения [1], вслед за Дирром, обозначал ее как знаковый признак эргативности.

Поиск доминантных свойств, различающих генетически неродственные языки, долгое время проводился в русле структурной лингвистики, или семиотического структурализма, который был ведущей научной парадигмой вплоть до конца XX века.

Блок знаний, методов, способов разрешения актуальных вопросов, выработанный в рамках структурной лингвистики, актуальной в прошлом столетии, не привел к разрешению такой знаковой проблемы как понятийное (семантическое) объяснение эргативности.

Синхронно дескриптивный структурализм начал уступать место антропоцентрическому аспекту исследования языковых стратегий, сориентированному на выявление человеческого фактора в языке, направленному на поиск человека в языке и «языка в человеке, т.е. «какой язык, такой и дух» [2; 13, с. 295-300].

Парадигмальная методология Т. Куна [6], примененная к описанию эргативных языков, на наш взгляд, способствует обнаружению семантической доминанты эргативности, состоящей из блока устойчивых признаков.

К константным признакам ингушского языка (и других эргативных языков), на наш взгляд, относятся:

1) **рефлексивный режим** интерпретации канонической речевой ситуации, вскрывающий парадигму из четырех эгоцентрических лиц,